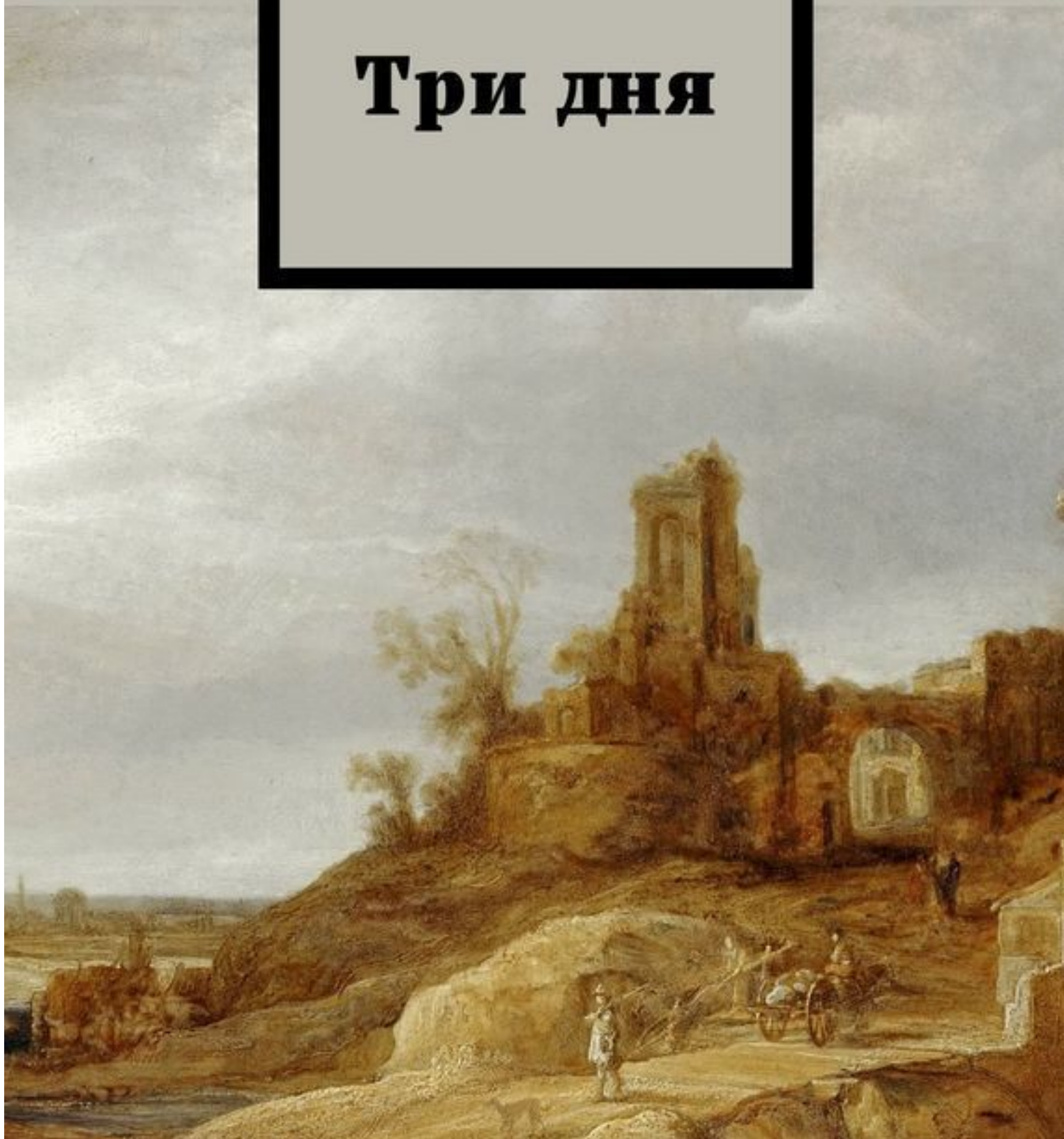

Юлия Олейник

Три дня

Юлия Олейник

Три дня

«Издательские решения»

2015

Олейник Ю. А.

Три дня / Ю. А. Олейник — «Издательские решения», 2015

Монтажёру Юлии и специальному корреспонденту Антону предстоит провести три дня за монтажом документального фильма про Ольшанский замок. Неожиданно монтаж прерывает появление самого настоящего привидения, после чего работать над фильмом становится действительно опасно.

© Олейник Ю. А., 2015

© Издательские решения, 2015

Три дня

Юлия Олейник

© Юлия Олейник, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Все события и персонажи полностью вымышлены. Любое совпадение следует считать случайностью.

Работать в выходные – одно удовольствие. По крайней мере, для монтажёра. Сидишь себе, работы нет, выпусков новостей, как обычно, мало, пей чай да лазай по Интернету. Это воскресенье тоже должно было быть наполненным вялой ленью и перемыванием косточек, по крайней мере, так предполагалось с утра. Всё испортил белый листок, лежащий поперёк клавиатуры.

Заявка. На меня. На всю смену (а это, между прочим, двенадцать часов!). Спецрепортаж. Антона Потёмкина. Чтоб мне пусто было...

Ощущений добавила рожа координаторши, как нельзя кстати заглянувшей в мою монтажку.

– Потёмкин к тебе, со спецрепом, – ехидно сообщила она. За что эта тётка меня так невзлюбила, трудно было сказать, но её полное, поросячье лицо прямо светилось какой-то гаденькой радостью. «Уберись, жирная жопа», – пробормотала я про себя.

– Но ведь ты же отвлечёшься на выпуски, правда? – жирная координаторша решила меня добить, – А то Серёжа говорит, людей мало, работать некому.

Серёжа – это начальник смены.

Я почувствовала нарастающую в груди ярость. Не из-за свалившегося на голову спецрепа, испортившего выходной, а из-за этой толстой перекормленной хари.

– Скажи Серёже, – я постаралась держать себя в руках, – что заявка есть заявка. Пусть остальных тербит.

Рожа фыркнула – «неженки все стали!» – и наконец-то убралась из моей комнаты.

Я села за компьютер, вошла в корреспондентскую сеть. Врага, как говорится, надо знать в лицо. Хотя какой из Потёмкина враг – совсем молоденький мальчик, серьёзный до невозможности, но без характерной для их братии звёздной болезни. Ничего, ещё успеет схватить. Что ж мы с ним монтировать-то будем, да ещё двенадцать часов кряду? Я бегала глазами по мелким строчкам. Так... пресс-конференция Собянина... не то, дальше, пожар в общежитии... ну, это не спецреп, а, вот! Командировка Антона Потёмкина в Беларусь. Ага. Это уже что-то. Это уже очень может быть, так как никаких политических и прочих волнений в братской республике вроде не наблюдается. Значит, вскрывали культурный слой. Это уже тянет на спецреп, хотя что они там могли нарыть, в Беларуси? Расширенный поиск! Ага... ага... «Ольшанский замок». Прекрасно. Наверно, с привидениями. Что ж, подождём Потёмкина.

Антон Потёмкин был безумно горд собой. Ещё бы! Первая командировка – и сразу спецреп, да что там спецреп, фильм! Большой документальный фильм об истории знаменитого Ольшанского замка! То, что про этот замок Антон раньше и знать не знал, он благоразумно постарался забыть. Но каково! Всего полгода на телеканале – и сразу в яблочко! Другие годами пашут, чтобы до спецрепа доработаться, на всякие пресс-конференции ездят, да с ментами в рейды, а у него, Антона, всё получилось почти сразу. Нет, он, конечно, тоже ездил в рейды, и в подвалах травлю крыс снимал, и про помойки какие-то, любимая социальная тема, блин... Но полгода! В девятнадцать лет! Антон был положительно горд собой.

Я тем временем закачала на монтажку его исходник. Два часа какой-то беспросветной мути, интервью мало, вид замка с замком ассоциаций вообще не вызывал. Так, упорядоченная груда камней. Полно ночных съёмок, на которых вообще ничего не видно. Н-да, Антошка, наверно, прав. Тут и двенадцати часов не хватит. Тут копать и копать, и хорошо, если он свой материал хотя бы отсмотрел. А то всякое бывает. Я заварила себе кофе и стала ждать Потёмкина.

Антон зашёл в монтажку с видом победителя, и только увидев меня, немного присмирел. Не то чтобы он меня не любил. Боже упаси. Мы с ним вообще никогда не ругались. Но моё выражение лица его немного смутило.

– Добро пожаловать, ваше сиятельство, князь Потёмкин-Таврический! – пропела я. – Ужели побывали в родовом поместье?

Лицо Антона начало медленно розоветь. Он НЕНАВИДЕЛ, когда его звали князем Таврическим, а насчёт родового поместья – видимо, понял, что исходник я видела. И он меня не впечатлил. Но что поделаешь! Иногда надо сбить спесь сразу. Иначе монтажа не будет, а будет растопыривание пальцев веером. Это я знала очень хорошо на примере многих знакомых мне корреспондентов. Тут только дашь слабинку – сразу все становятся великими режиссёрами, а монтажёра иначе как «кнопкодавом» не зовут. А я этого очень не люблю.

– Ты чего? – Антон обиженно посмотрел на меня. – Я ещё войти не успел.

– Ну так входи. Гостем будешь.

– Ты чего злая такая? Таврическим обзываешься...

– Ты лучше скажи мне, ТАВРИЧЕСКИЙ, что за хренотень ты тут наснимал? Я глянула одним глазком. На сколько по времени спецреп?

– На сорок минут... Это фильм!.. – На последнем слове Антон запнулся. Я закатила глаза.

– Фи-ильм? А из чего фильм-то? Ты хоть исходники смотрел? – Господи Боже, фильм. На сорок минут! Кому ж я так в информации насолила? А Антоха ребёнок, он в страшном сне не видел, как фильмы делаются. За что, ну за что мне это? Какие двенадцать часов... Фильмы неделями делаются, а если это спецреп растянутый, то чем, я извиняюсь, натягивать будем? Я вперилась в Потёмкина.

– Исходники смотрел, – сухо сказал он, пробираясь в комнатку озвучки, – сейчас начинаю, и вместе глянем.

Что ж, в самообладании ему не отказать. Я хмыкнула. Видно, очень важен для него этот спецреп, ах, простите, фильм, что он от простого монтажёра оскорбления глотает. Вот и ладушки, значит, работать будем плотно, не отвлекаясь на ерунду. Я помахала Антону, уже сидящему в озвучке у микрофона.

– Читай!

Но тут случилось непредвиденное. Звуковой пульт вдруг взвыл раненым зверем, замигал лампочками и внезапно затих. Антон обеспокоенно глядел из-за стекла. Я матюгнулась. Пульт, конечно, старый, давно менять пора, но таких финтов за ним не водилось. Я осмотрела предательскую машину со всех сторон. Так... кабели все на месте, контакты есть, все тумблеры в порядке. Тогда что это с ним? Я ещё раз проверила все настройки. Вроде чисто. Ну, с Богом!

– Давай дубль! – заорала я в озвучку.

После первого произнесённого Антоном звука пульт забился в истерике и чуть было не задымился. Я поспешно вытащила Потёмкина из озвучки и вырубил рехнувшийся пульт.

– Ну извини, – мне было неловко и как-то... страшновато. – Позвоню инженерам, пусть меняют на хрен.

– Совсем накрылся? – Антон сочувственно посмотрел на меня. От бывшей обиды не осталось и следа, воистину, общие переживания сближают людей. То, что он тоже испугался, было видно невооружённым глазом.

– Совсем... Шас позвоню, пусть заменят, – я набрала номер, – Алло? Инженеры? Это из пятой беспокоят. Заберите покойника. И новый принесите, у меня спецреп по заявке стынет.

В трубке клятвенно пообещали заменить пульт в течении часа, и мы распрощались. Я повернулась к Антону.

– Ну, что делать будем? Пульт притащат только через час.

– Посмотрим исходники, – пожал плечами Антон.

Исходники при ближайшем рассмотрении оказались презабавными. Виденная мною мельком упорядоченная груда камней была снята со всех сторон с удивительной дотошностью. Оператор Серёжа Золотницкий постарался на славу, разве что в щёлки между камнями не влез. Замок представал мрачным напоминанием бывшего величия его хозяев. Я даже начала получать удовольствие, как вдруг пошли ночные съёмки. Ночные съёмки оператора Золотницкого представляли собой сплошную черноту.

– Это что? – поинтересовалась я, глядя в тёмный экран. – Это режиссёрский замысел?

– Э-э-э... – протянул Антон, пытаюсь подобрать слова. – Это Сергей наснимал. Сказал, ночью замок выглядит очень таинственно...

– Кто бы сомневался, – я таращилась в экран на быстрой промотке. Темнота не прекращалась. – Очень таинственно. Просто тайна, покрытая мраком. Антон, я тебя разочарую, это брак по видео. Так и скажи Золотницкому.

– Не может быть! – Антон чуть не плакал. – Сергей сказал, чудо что за кадры...

– Ты с ним ночью был?

– Нет...

– Доверчивых детей уносит бука, – наставительно сообщила я. – Ладно, смонтируем тайну при свете дня. Вот только пульт принесут.

Я отвалилась пить кофе, предоставив Потёмкину самому разбираться со своими исходниками. Он сидел у мониторов, как приклеенный, постоянно проматывая картинку вперёд-назад. Пульт ещё не принесли, и мотал он без звука. Я наслаждалась тишиной. Кофе, против обыкновения, упрямо клонил меня в сон. Я уж было собралась сказать Антону, чтоб будил в случае чего, как вдруг тот взвизгнул совсем не по-мужски и откатился от монитора. Глаза его вращались.

– Ты чего? – от его вопля я подпрыгнула на кресле. – Чего орёшь?

– Там... – пробормотал Антон, показывая на экран. – Там... оно.

– Кто «оно»?

– Привидение!

Ну вот. Я так и знала, что Тоше Потёмкину рановато замахиваться на полноценный фильм. Переутомление, оно по-разному даёт о себе знать. А если неделю лазить по заброшенным развалинам, то явления призраков становятся почти объяснимыми. Но вид Потёмкина меня насторожил. Уж больно искренним был этот полувоплё-полувизг, уж больно крупными были капли пота на его лбу. Я подошла к монитору.

– Где привидение?

– Вот... тут. Я два раза проматывал, медленно, была чернота, ну, стена там еле заметная замковая... Два раза смотрел... А на третий раз возникло оно...

– Как возникло? – я говорила тихо и осторожно, потому как не имела опыта общения с душевнобольными.

– Взяло и возникло! Смотрю, из-за стены рука чья-то... светлая... поманила и за стену опять... – Антон преданно смотрел на меня. – Юль, это не глюк. Хоть режь. И не пил я с утра, да и вчера тоже не пил. Это правда привидение!

Я вгляделась в экран. Да, Антон прав, действительно стена проглядывается, картинка, конечно, не очень, цветокоррекцию если только... Я присмотрелась. Из-за стены возникла бледная полупрозрачная рука, кажется, женская, с тонкой кистью, и медленно поманила к себе указательным пальцем. Мне стало не по себе. Антон тоже смотрел из-за моего плеча. Увидев призрак второй раз, он тихо всхлипнул и одним глотком допил мой кофе. Я просмотрела запись в третий раз. Рука исчезла.

– Н-да. – Честно сказать, я не знала, что и думать. С одной стороны, явный брак по видео, белые сполохи какие-то, с другой... Рука была видна настолько чётко, что сомнений в том, что это именно рука, практически не оставалось. Но почему она исчезла? Вернее, почему появилась, а потом исчезла? Ведь её не было в тот раз, когда Антон листал материал, а я пила кофе в ожидании пульта. Что за чертовщина здесь происходит? Внезапно меня посетила мысль.

– Антон, а позвони-ка ты Золотницкому. Он эту дурь снимал, пусть и объяснит популярно.

Потёмкин обрадованно достал мобильник. Мне вдруг стало грустно при виде этого мальчика, который отчаянно хочет найти объяснение тому, что... Развивать мысль дальше расхотелось.

Через десять минут в комнату вошёл Золотницкий.

Сергей Яковлевич Золотницкий был и остаётся гордостью нашего операторского отдела. Проработав на телевидении больше тридцати лет, он по праву считался корифеем и мог сам выбирать себе съёмки. Он как никто умел снять главное, подчеркнуть детали и показать человека в самом выгодном свете. В прямом смысле. Корреспонденты его обожали, монтажёры облегчённо вздыхали, видя его фамилию в материале, а начальство считало Сергея Яковлевича талисманом информационного отдела. Потому что Сергей Яковлевич всегда привозил материалы экстра-класса. И за все десять лет, что он работал у нас, на его работу ещё ни разу не жаловались. Поэтому к нам в монтажку он вошёл слегка обескураженный, и даже его знаменитая борода как-то вопросительно взерошилась.

– День добрый, господа. Антон, рад приветствовать. Вы, барышня... – он замаялся. В нормальных условиях операторы и монтажёры практически не пересекаются, поэтому неудивительно, что меня он попросту не знал.

– Юля меня зовут. – Я придвинула ему стул. – Сергей Яковлевич, у нас не сколько жалоба, сколько вопрос.

– Слушаю вас, – заинтересованно произнёс он.

– Вы ездили с Антоном в Белоруссию...

– Да-да, – радостно подтвердил корифей, – в местечко Гольшаны. Прелюбопытнейшее местечко, сообщу я вам. Прелюбопытнейшее! Для оператора – рай земной.

– Вы снимали ночью. – Я решила взять дело в свои руки. Антон глядел на Золотницкого снизу вверх. – Вы снимали без Антона. Хотели сделать красивую таинственную картинку «Ночь в Ольшанском замке».

– Да, – удивлённо кивнул Золотницкий, – вы правы, Юлечка. Прекрасные кадры...

– Что вы там насняли?! – вдруг завопила я.

Сергей Яковлевич слегка опешил, но взял себя в руки.

– Замок... Удивительно мистическое место... А, собственно, почему...

– Вы привидение видели?

Сергей Яковлевич облегчённо рассмеялся.

– Ах вот вы о чём, молодежь... Фу-ты, напугали старика. Да нет, какие привидения. Просто замок, видовые, так сказать съёмки...

– Тогда что это? – впервые прорезался Антон. Он клацнул пальцем по клавиатуре, и на мониторе возникло изображение.

Честно говоря, я боялась, что призрак не явится. Тогда мы с Тохой будем выглядеть как... думать не хочу. Золотницкий слишком долго работает, чтобы играть с двумя идиотами в привидения. Ещё пожалуется... Но додумать мысль я не успела. На экране бледная рука медленно манила пальцем Сергея Яковлевича.

– Я не знаю! – отбрыкивался Золотницкий. – Ничего такого не видел! Не было ничего такого! – он был явно под впечатлением.

– Тогда что?!

– Брак по видео!

– У Вас?!

– На мониторе брак! – Золотницкий лихо развернулся ко мне. – Вы, барышня, прежде чем в набат бить, мониторчики бы свои лучше настроили!

У меня перехватило горло. Да пусть он, этот трижды корифей, ещё хоть слово вякнет! У меня монтажка всегда считалась образцовой! (До сегодняшнего дня, услужливо подсказала мне память. Сегодня у тебя пульт взбесился). Я набрала в грудь воздуха, чтобы достойно парировать, как вдруг мне в голову пришла другая идея.

– Обязательно проверю все мониторы, Сергей Яковлевич. А сейчас не составите ли мне компанию на перекур? Тошка ведь не курит, а одной совсем тоскливо, воскресенье, народу никого...

Потёмкин вопросительно посмотрел на меня. Я подмигнула. Этот нехитрый жест немного успокоил юного спецкора, и он принялся заваривать вторую чашку кофе слегка дрожащими руками. Мы с Золотницким вышли в коридор. Корифей шёл мрачный. Не мог он до сих пор переварить, что на ЕГО картинке может быть даже малюсенький брак. Но вытащила я его в курилку не за этим. Уж больно наш Золотницкий лихо отрекся от всех привидений. Не удивлялся, не вертел пальцем у виска и не советовал опохмелиться, а именно открещивался. Так что же?..

В курилке Золотницкий был по-прежнему мрачен. Молча дал мне прикурить и вопросительно уставился. Я не знала, как начать. Ну не могу же я, сопля двадцати семи лет, допрашивать уважаемого мэтра, разменявшего седьмой десяток? Но делать нечего, пришлось.

– Сергей Яковлевич, – я сделала по возможности умоляющие глаза, – Сергей Яковлевич, миленький, расскажите, ну что там было? У меня Тошка весь белый сидит, да и самой как-то... Ну может вы хоть что-нибудь видели?

– Юля, не вбивайте старому человеку гвозди в гроб. Ничего я там не видел, ничегошеньки, понятно вам? Признаюсь, меня этот глюк тоже озадачил. Но на съёмках я подобных вещей не видел, поверьте, запомнил бы на всю жизнь. Нет, Юленька, этот либо на флешке брак, либо монитор чудит. Или наша возлюбленная оцифровка криво перегнула, были случаи, н-да, н-да...

Я поняла, что добиться от Сергея Яковлевича правды если и дано, то не мне. Он мрачно курил, выпуская колечки дыма (всегда мечтала научиться!). На краткий миг мне показалось, что и руки-то никакой не было, а случилась у нас всех редкая по реалистичности коллективная галлюцинация. Я поделилась соображениями с Золотницким. Тот покосился на меня и сообщил, что при нашей работе для галлюцинаций даже не надо принимать допинг. На том и разошлись.

– Ну?! – Тошка чуть не подпрыгивал на кресле. Я улынулась про себя. Вера Потёмкина во всемогущего Сергея Яковлевича была непоколебима. – Сказал он тебе? Сказал, ну?

– Ни черта он не сказал, – отрезала я, – ничего не видел, не знает, не помнит, и вообще всюду брак по видео, абсурд и коррупция. Не было у него никаких привидений, и нам смотреть на них не советует. Ладно, Тош, давай пульт ждать.

В это время в монтажку сунулся Сан Саныч Горячев, в узких кругах Горыныч, зам начальника производственного отдела. В руках он держал до боли знакомую бумажку и выглядел озадаченно-просяще.

– Юль, тут из координации заявка... В общем, как ты смотришь на то, чтобы три дня поработать? А потом три отгула подряд. Капралов в курсе, претензий не имеет.

Капралов – наш начальник.

– То есть как? – я воззрилась на Горыныча. – Почему три дня? Что за заявка такая? У меня уже есть одна на сегодня, про Беларусь. Вот Потёмкин сидит, подтвердит. Куда мне ещё-то?

– Так это потёмкинская заявка и есть, – Горыныч сунул мне под нос бланк, – Всё чин чинарём, фильм про Ольшанский замок. Я же понимаю, что тебе двух смен не хватит, а он только с тобой хочет монтировать.

– Антонио, это как понимать? – я развернулась к Тошке. – Ты что меня под монастырь подводишь? Мне три дня по двенадцать часов даром не сдались! Откажусь на хрен!

– Юль, не бузи, – Горыныч успокаивающе похлопал меня по плечу. – Работа большая, прояви понимание.

– Это вы проявите понимание! – я клокотала от ярости. – Вы же не знаете, какая тут ботва! У меня пульт сбесился, корреспондент скоро спятит, а по монитору призраки разгуливают!

– Юль, ну, я так понял, вы сработались, – сообщил Горыныч и тихонько прикрыл дверь.

Слов и сил у меня не было, как будто их откачали невидимым насосом. Я откинулась в кресле, следя из-под прикрытых глаз за Потёмкиным. Тот имел вид несчастный, но держался мужественно. Взгляда, правда, долго выдержать не смог и кинулся оправдываться:

– Юль, ну пойми... Ты уже видела эту... это. И исходники мы закачали... И пульт щас...

– Ты когда заявку успел накатать, сволочь? – ласково поинтересовалась я. – И с Горынычем пошептаться, а? На хрен мне сдались твои замки, у меня выходных кот наплакал.

– Ты курила с Золотницким, я и сходил...

Н-да, скор ты на расправу, князь Таврический, у меня уже пробиваются ростки уважения к твоей сиятельной персоне.

Всё это, впрочем, не имело ни малейшего значения. Работа как застопорилась на пульте, так и не начиналась, исходники смотреть Тошка больше не мог, и даже сидел спиной к монитору принципиально. Было видно, что его помаленьку отпускает, но разговаривать не хотелось. Я влезла на сервер и сердце ёкнуло.

Уже четыре недели подряд ровно в 16.45 у нас начинались сказки Венского леса. Иначе говоря, сервер стабильно падал, и никакие усилия сисадминов ни к чему не приводили. Все материалы, закачанные в монтажки, немедленно обнулялись, переходя в оффлайн, и работать было попросту невозможно. Самые запасливые, в том числе и я, с раннего утра закачивали себе все доступные исходники на локальную машину, и так слегка выправляли положение, но всё, что приходило позже означенного времени, пролетало как фанера над Парижем. Минус у нашей вынужденной запасливости был огромный – исходники зачастую весили много, перекодировка их занимала значительное время, а пригодится ли что-нибудь из этого хлама – неизвестно. У меня лично был случай, когда из огромного объёма памяти компьютера доступными

остались жалкие 11 гигабайт. Фишка заключалась в том, что никто не мог понять, отчего эта гадость происходит, а, соответственно, как с ней бороться. Начальство вызвало на ковёр представителей фирмы-производителя сервера, и они въедливо допытывались, не увольнялся ли в последнее время кто-либо из сисадминов. Разрабатывалась версия намеренного саботажа. Я плохо представляла наших системщиков в роли диверсантов, тем более, что никто и не увольнялся. Ситуация была нештатной, мерзкой, а для монтажёров просто мучительной. В пылу борьбы с потёмкинскими призраками я как-то забыла об этой дряни и вот, пожалуйста, – времени уже 16.00, а перецифровать два часа тошкиной мути за сорок пять минут просто нереально. Я кинулась к машине и врубилась оцифровку, надеясь спасти хоть что-то. Тошка, видя мою суету, забеспокоился.

– Юль, что случилось?

– 16.45, – отрезала я, – скоро всё гикнется, хочу перекинуть твоё барахло себе на локалку. Только времени, боюсь, не хватит.

– Ой, – Тошка выпучил глаза, – а я и забыл об этом. Что же ты раньше не перекинула?

– Замоталась с твоими привидениями, – буркнула я, – скажи спасибо, что сейчас вспомнила. Слушай, будь другом, сходи вниз, может, твои флешки ещё не затёрли. Если что, попробуем перекинуть сразу с них. Я пока картридер поищу.

Тошка радостно кивнул и унёсся в комнату оцифровки флешек. Я задумчиво повертелась в кресле. В принципе, мысль мне пришла удачная – через картридер можно было напрямую загнать Тошкины исходники на машину, минуя сервер, это был путь долгий, зато результативный. Единственный минус состоял в том, что картридеры находились в ведении Капралова, а с ним мне очень не хотелось встречаться лишний раз. Дмитрий Александрович относился к женщинам-монтажёрам как к обезьянам с гранатой, и до кучи считал всех барышень клиническими блондинками. Ко мне это тоже относилось. Я припомнила, что у Капралова уже третий брак и от каждой жены по ребёнку. Наверно, что-то в консерватории надо подправить. С этими грустными мыслями я выползла в коридор, параллельно настраивая себя на конструктивный лад. Картридер ведь является производственной необходимостью в данный конкретный период времени. Так выше нос и вперёд, к Капралову!

По пути мне встретился Лёха Савельев, наш сегодняшний сисадмин. Из-за «синдрома 16.45», как мы прозвали наше обрушение сервера, последние недели выглядел он плохо, хоть и неестественно бодрился. Мне было его искренне жаль. Лёха огребал от Капралова за чересчур медленный поиск решения проблемы, от корреспондентов за виснувшие компы и от выпускающей бригады за всё сразу. Савельевский телефон раскалялся от звонков с претензиями, но что может сделать один человек против комплекса вражеских диверсий? Лёха хотя бы пытался, и за это я его в глубине души уважала.

Столкнувшись со мной, Лёха сделал радостно-круглые глаза и с нездоровым весельем в голосе поинтересовался, куда это я так пылю.

– К Капралову за картридером. Спасая потёмкинскую командировку. Скоро время «Ч», сам знаешь.

По Лёхиному лицу пробежала тень, он скривился, как от зубной боли. Время «Ч» медленно, но верно превращало его в параноика. Через секунду, правда, он взбодрился и прежним радостным тоном сообщил:

– А на фиг тебе к Капралову? Давай я тебе свой картридер дам, у меня заныкан специально для тебя.

Ох уж этот Савельев, хлебом не корми, дай поугождать красивой женщине. Впрочем, от подарков судьбы отказываться не принято. Я кивнула:

– Тащи.

– Я тебе сам его подключу, – засуетился он, – туда можно сразу пять флешек запихнуть! Сможешь качать одновременно все исходники.

Нет, положительно, гусар!

Мы договорились, что Савельев сбегает к себе за картридером и через пять минут будет, а я пока схожу к автомату за кофе.

В аппаратной было тихо. Антон раздобыл свои флешки (их оказалось, по странному стечению обстоятельств, ровно пять) и дисциплинированно ждал картридер. Увидев меня, протёр очки и поинтересовался, в какой степени помрачения сознания находится Капралов. Как видно, его многие не сильно жаловали. Я поведала о духовном подвиге Савельева, и мы стали ждать.

Лёха вломился в монтажку через три минуты с картридером. Такое ярко выраженное желание спасти Тошкины исходники выглядело странно, на что Тошка между делом обратил моё внимание. Савельев его не слышал, увлечённо подключая свою шайтан-машину к моему компу. Потёмкин ещё раз критически оглядел савельевскую спину и шёпотом сообщил мне, что я мучаю человека почём зря.

– Тебе-то что за радость? – огрызнулась я. – Лично я ему поводов не даю.

– Ну и послала бы далеко и надолго.

– Он мне ничего плохого не сделал.

– Лёгкий флирт укрепляет здоровье, – доверительно шепнул Потёмкин. – Если имеешь с этого пользу, конечно.

Я ткнула его пальцами под рёбра, и мы обратились к монитору. Лёха уже настроил ридер и по экрану ползли пять змеек закачки. Савельев был положительно горд собой.

– Ну? – от обратился к нам, – Всё работает!

– Зашибись, – радостно потёр руки Тошка и вдруг скукожился в кресле. Я поняла, о чём он думает.

– Тош, да забей ты на этих призраков. Сейчас соберём по звуку, а там подумаем, может, и не нужны нам будут эти ночные съёмки.

– О чём речь? – поинтересовался Савельев. – Какие ещё призраки?

Тошка отмахнулся. Я, как могла, вкратце рассказала Лёхе события этого мистического утра. Он удивлённо вытаращил глаза и изъяснил непреодолимое желание на означенных призраков взглянуть. Тошка ещё больше скукожился в кресле. Мне тоже не сильно хотелось вновь углубляться в дебри ольшанских тайн, о чём я искренне сообщила Савельеву. К тому же, пульт так ещё и не привезли. Лёха бесцельно пошарахался по монтажке, явно не собираясь уходить, но тут запиликала его местная трубка, и голос Капралова с матюгами посоветовал Лёхе вернуться на рабочее место. Савельев вздохнул, кинул на меня горящий взор и вышел. Мы с Тошкой вновь остались одни.

Пульт притащили через десять минут после ухода Лёхи, и мрачный инженер долго и нудно подсоединял нужные кабели. Был он злой, невыспавшийся и явно с бодуна. Мы тихонько отодвинулись к стене, опасаясь потревожить мастера. Наконец пульт был проверен, и мрачный инженер ушёл, напоследок посоветовав не трогать незнакомые тумблеры. В монтажке повисло тягостное молчание.

– Короче, – я не выдержала первой, – приступим.

Тошка согласно кивнул и пошёл в озвучку.

Как ни странно, но звук мы записали с первого раза и практически без дублей. Видимо, Потёмкин от страха выучил текст наизусть, стремясь побыстрее расправиться с ненавистным уже фильмом. Отписавшись, он бочком выполз в комнату и внезапно дрогнувшим голосом

спросил, нужен ли он при сборке по звуку. Всё ясно – мальчик не желает лишний раз смотреть на своё привидение. Я забрала у него текст с таймкодами и выгнала обедать. Шутка ли – скоро пять, а растущий организм ещё не имел во рту маковой росинки!

Сборку по звуку я осуществляла на автомате, не глядя тыкая пальцами в кнопки. За годы работы в аппаратной я настроила и отшлифовала свой личный автопилот до фактического совершенства. Смотреть в монитор необходимости не было, и я погрузилась с головой в невесёлые думы о сегодняшнем сумасшедшем дне.

По всему выходило, что так или иначе Тошка там что-то углядел. Я сомневалась, что загадочная прозрачная рука и впрямь принадлежала привидению, но выглядела она эффектно и впечатление производила. Конечно, скорее всего, Тошка наслушался в своих Гольшанах разных пугательных историй про замурованных панночек и кровожадных панов, неотпетые души коих смущают юные умы. Я не относилась к сторонникам охотников за привидениями и в глубине души (чего уж скрывать) надеялась, что вся эта суматоха разрешится очень просто – сомнительные планы мы брать не будем, Тошка поест и на сытый желудок перестанет видеть потусторонний мир, а Капралов не устроит истерику из-за неучтённого картридера. А если всё, наконец-то, устаканится, то и мне, быть может, не придётся калымить три дня кряду за здорово живёшь. Но, вспоминая поговорку про закон подлости, сдавалось мне, что я ещё хлебну и с Тошкой, и с картридерами и с привидениями.

Закончив сборку, я выяснила, что фильм наш занимает аж сорок три минуты, из которых перекрывать нам как минимум двадцать пять. Это, конечно, не предел, но перспектива копания в однообразных планах бывшего замка на рабочий лад не настраивала. Я решила ещё раз проверить весь звук и все синхроны. Где-то в середине фильма моё внимание привлекла беседа Тошки с главным библиотекарем, вернее, библиотекаршей славного местечка Гольшаны. Запись велась днём на фоне злосчастного замка. Библиотекарша, худенькая и довольно молодая женщина с лицом мышки в огромных очках увлеченно доносила до князя Таврического легенды и мифы, окружавшие замок на протяжении веков. Снято было хорошо, оператор Золотницкий в очередной раз доказывал своё мастерство. Как вдруг... Нет-нет, мне показалось... Я снова отмотала запись. Да нет, Юльчик, ни фиги тебе не показалось. На заднем плане, позади библиотекарши, из зловещей трещины в стене на краткий миг появилась и вновь исчезла тонкая полупрозрачная ручка с длинными аристократическими пальцами. Она была видна так отчётливо, что сомнений никаких не оставалось. Это не был брак по видео. Это было очередное, чтоб его, явление призрака, теперь уже среди бела дня.

Я откатилась в кресле подальше от монитора, пытаясь как-то успокоить бешено ухавшее в груди сердце. С удивлением приняв РЕАЛЬНОСТЬ увиденного, я тем не менее, была банально напугана. Да-да, так же, как и Тошка во время первого просмотра своих ночных планов. Мне ужасно захотелось выпить, а потом домой, а лучше всего домой и там сразу выпить. Но до конца смены ещё семь часов, и два дня в довесок. Мне было до одури неудобно. Тошка ещё вкушал пищи мирской, и поделиться своей паранойей мне было не с кем. Не к Горынычу же с Капраловым идти, позориться на старости лет. Я поборола в себе желание одним глазком снова глянуть на интервью библиотекарши (как всё-таки тянет нас на край пропасти!) и вышла проветриться, то есть покурить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.